

Cereals in the Agrarian Rites of the Don Cossacks: the Economic Context, Local Versions, and Dynamics of Tradition

Nina A. Vlaskina

Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences.
Rostov-on-Don, Russia. Email: [nvlaskina\[at\]gmail.com](mailto:nvlaskina[at]gmail.com)

Received: 28 August 2021 | Revised: 18 June 2022 | Accepted: 26 June 2022

Abstract

The article is an ethnographic study of the Don region, which for a long time retained the status of a border territory. The issues of estate interaction and the formation of a hierarchy of economy types and their ritual comprehension remained relevant on this territory for a long time. This article examines analytical and descriptive sources concerning Don agriculture and the respective component of the Cossack ritual year, as well as data on the folk calendar from dialectological and ethnolinguistic expeditions.

This work aims to show how ideas about cereals and their cultivation were differentiated and transformed in the Don Region in the late 19th – early 21st centuries and what background existed for the formation of the system of agricultural ritual practices and its dynamics.

The study shows that the Don culture was characterized by symbolization of cereals and fieldwork in general. The author argues that the expanded system of military components in the Cossack folk calendar doesn't exclude the simultaneous presence of the components that determine the agricultural cycle in the system of perceiving and dividing the ritual time at different stages of the Don Cossacks' history. The constant movement of population in the region resulted, on the one hand, in strengthening of agrarian motifs in the calendar, and on the other, in the emergence of competing options for ritual action with the same symbol (ritual porridge) in different settlements.

The article is intended for researchers, students, and lecturers, as well as cultural workers.

Keywords

Agrarian Rituals; Agriculture; Christmas; Don Cossacks; Folk Calendar; Grain; Local Versions; New Year; Ritual Dynamics; Ritual Porridge

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Зерно в аграрной обрядности донских казаков: хозяйственный контекст, локальные варианты и динамика традиции

Власкина Нина Алексеевна

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук. Ростов-на-Дону, Россия. Email: [nvlaskina\[at\]gmail.com](mailto:nvlaskina[at]gmail.com)

Рукопись получена: 28 августа 2022 | Пересмотрена: 18 июня 2022 | Принята: 26 июня 2022

Аннотация

Статья посвящена одному из аспектов этнографического изучения донского региона, долгое время сохранявшего статус пограничного. На его территории длительно были актуальными вопросы сословного взаимодействия, формирования иерархии типов хозяйственной деятельности и их ритуального осмысления. В работе рассматриваются аналитические и описательные источники о земледелии на Дону и сельскохозяйственном компоненте казачьего ритуального года, а также экспедиционный материал о народном календаре.

Цель работы – показать, как представления о зерне и его возделывании дифференцировались и трансформировались на территории Дона в конце XIX – начале XXI в. и какие предпосылки существовали для складывания системы аграрных обычно-обрядовых практик и ее динамики.

Исследование показало, что для донской культуры была характерна символизация зерна и полевых работ в целом. Выдвигается тезис о том, что развернутая система воинских компонентов в народном календаре казачества не исключает одновременного присутствия в системе членения и осмысления ритуального времени таких составляющих, которые определяли хозяйственный цикл на разных этапах истории донского казачества. Постоянное движение населения в регионе имело следствием, с одной стороны, закрепление аграрных мотивов в календаре, а с другой – появление конкурирующих вариантов действия с одним и тем же символом (кутьей) в разных населенных пунктах.

Статья рассчитана на научных работников, студентов и преподавателей, а также работников культуры.

Ключевые слова

динамика обрядности; донские казаки; земледелие; зерно; календарь народный; кутья; локальные варианты; Новый год; Рождество; хозяйственная обрядность

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Среди задач ритуала, в том числе календарного, есть подтверждение уже существующих в коллективе норм, образа жизни и легитимация новых (Байбурин, 1993, с. 29; Bell, 1997, р. 59). В этом смысле ритуал неотделим от ведущего вида хозяйственной деятельности сообщества и призван утвердить те ценности и доминанты, которые актуальны для него в текущий момент (Чичеров, 1957, с. 16).

Соответственно, изучение специфики аграрных ритуалов и верований казачьего сообщества, частью которых являются обряды с использованием зерна и в целом его символизация, невозможно без обращения к теме роли полеводства в хозяйственной жизни казачества в разные периоды. Поскольку донской регион долгое время обладал статусом пограничного, на его территории длительно сохраняли актуальность вопросы сословного взаимодействия и формирования иерархии типов хозяйственной деятельности и их ритуального осмысления.

В настоящей статье рассматриваются аналитические и описательные источники о земледелии на Дону и сельскохозяйственном компоненте казачьего ритуального года, а также полевой материал о народном календаре, собранный студентами и сотрудниками Ростовского государственного (Южного федерального) университета и Южного научного центра РАН в 1980–2000-х гг. Цель работы – показать, как представления о зерне – неотъемлемом атрибуте календарной обрядности аграрных сообществ (Bjørnstad, 2016; Vermander, n.d.) – и о его возделывании дифференцировались и трансформировались на территории Дона в конце XIX – начале XXI в. и какие предпосылки существовали для складывания системы аграрных обычно-обрядовых практик и их динамики.

Земледелие на Дону и соответствующий раздел народного календаря

В ранний (вольный) период своей истории (в XVI–XVII вв.) средства к существованию донские казаки обеспечивали преимущественно военными походами, охотой и рыболовством. Влияние этого периода на специфику традиционной культуры региона исследовали ростовский этнолингвист Б. Н. Проценко и волгоградский этнограф М. А. Рыблова. Борис Николаевич Проценко, ссылаясь на расспросные речи и войсковую грамоту Фрола Минаева (запрещавшую казакам пахать землю под страхом смерти), широко цитируемые дореволюционными историками (Броневский, 1834, с. 132; Дружинин, 2015, с. 16; Краснов, 1863, с. 54; Номикосов, 1884, с. 11; Сухоруков, 1872, с. 584; Харузин, 1885, с. 2 и др.), писал о том, что в «рыцарский» период на Дону произошел обрыв земледельческой традиции. И уже позже, после петровского

времени, она постепенно и избирательно «восстанавливалась донской казачкой» (Проценко, 1995, с. 50; Проценко, 2001, с. 147). М. А. Рыблова, соглашаясь с тезисом о том, что отсутствие производящих отраслей хозяйства имело следствием не востребованность связанных с ними дат в календарном цикле, говорит о принципиальной невыводимости казачьей праздничной культуры из крестьянской, о том, что казачья обрядность изначально складывалась как воинская и позже, с переходом казаков к сельскохозяйственному труду, формированием патриархальной семьи и поземельной общины (с XVIII в.) (Рыблова, 2006, с. 108), стала дополняться аграрной (Рыблова, 2014, с. 6).

И та, и другая гипотеза предполагают противопоставленность казачьего и крестьянского общества. Однако другой взгляд на факты освоения южнорусских земель позволяет интерпретировать процесс интеграции крестьян-земледельцев в казачье сообщество как растянутый во времени, а значит, ставить вопрос об актуальности для донского региона аграрных компонентов календарной обрядности не только на позднем этапе.

Документы свидетельствуют о том, что еще в допетровскую эпоху колонизаторы южной окраины Российского государства занимались обработкой земли. В своем классическом труде «Земля Донская в XVIII веке» А. П. Пронштейн на основе анализа документов того времени приходит к выводу о том, что с началом массовой колонизации Дона, то есть уже в последней трети XVII в., поселенцы приходили на новые земли «с хозяйственным инвентарем, стремясь на новом месте жительства воссоздать привычный уклад хозяйственной жизни» (Пронштейн, 1961, с. 44). И позже, в XVIII в., «крестьяне шли на Дон», где их принимали в казаки¹, «не только в одиночку, но и значительными группами, чаще семьями, со своим имуществом и орудиями сельскохозяйственного труда» (Пронштейн, 1961, с. 47).

Дальнейшие судьбы крестьян, оказавшихся на донской земле, были разными и зависели от множества факторов, среди которых – особенности законодательства в различные периоды, плотность населения в станичных юртах и др. Часть поселенцев оставалась в крестьянском сословии, а другая переходила в казачье².

В целом преобразования XVIII в., когда государство определило задачами казачества охрану границ и самообеспечение, при котором в обмен на право

1 На состав населения и, соответственно, конфигурацию обычно-обрядовых практик влиял не только приток новых жителей на Дон, но и убыль в старожильческих группах. Упомянем пунктирно: в XVIII в. – карательные акции Петра I в отношении донских городков; в XVIII–XIX в. – колонизацию Предкавказья, куда массово направлялись жители донских станиц; убыль казачьего населения в результате войн, которые вела Россия в XVIII–XX вв.

2 Увидеть, насколько проницаемы были сословные границы в рассматриваемом регионе, позволяет локальное культурно-демографическое исследование, проведенное в дельте Дона Т. Ю. Власкиной (Матишов и др., 2012, с. 53–55; Власкина Т., 2013): церковные метрические книги XIX в. демонстрируют, что мещане, крестьяне, отставные солдаты получали статус казаков и в дальнейшем записывались в документах как казаки.

пользования землей «казаки должны были нести военную службу со своим конем, в полном вооружении и обмундировании» (Пронштейн, 1961, с. 112; см. также Броневский, 1834, с. 16), сыграли ключевую роль в складывании хозяйственной системы на Дону. Труд на земле для казака стал необходимым условием выживания, что не могло не найти отражения в обычно-обрядовых практиках. Между тем для донских дореволюционных историков и краеведов, составлявших этнографические описания, было важно противопоставить крестьянское и казачье сословие, наглядно продемонстрировать читателю специфику казачьего быта. Поэтому многие источники XIX в., содержащие обобщающую информацию о календарно приуроченной обрядности на Дону, акцентируют в казачьем ритуальном годе преимущественно воинские компоненты, выпуская сведения о существовавших в то время сельскохозяйственных практиках и поверьях. Так, рассказывая об «общественных пирах и забавах», М. Н. Харузин подробно останавливается на рождественских обходах домов, которые совершали старики во главе с атаманом, упоминает славление Христа детьми и исполнение авсениевых песен («евсеня») девушками (Харузин, 1885, с. 377), но оставляет за рамками повествования традицию щедрования и посещения с исполнением обрядовых песен, о которой не мог не слышать, поскольку обильно цитирует «Донские областные ведомости», где выходили заметки о бытовании этих обычаев в станицах Раздорской на Медведице (Ветров, 1880) и Константиновской (Крылов, 1876). Подобная выборочность в описании народных традиций не дает возможности достоверно представить их динамику на большом отрезке времени.

В то же время изучение специфики развития территории и сопоставление с данными других регионов позволяет предположить, какими были основные векторы культурных трансформаций в последние полтора столетия.

Влияние на обрядовую систему, вероятно, оказывала постоянная динамика населения, взаимодействие этнических культур и локальных вариантов одной этнической культуры, а также то, что мужская часть казачьего сообщества значительную часть времени проводила вне дома – на военной службе. Были и факторы, общие для многих российских регионов, – это технологическое развитие и связанная с ним трансформация способов ведения хозяйства (Мороз, 2009, с. 53); в XX в. – переход от частной к коллективной собственности и регуляция хозяйственной деятельности государством, опиравшимся на атеистическую идеологию.

Обратимся далее к материалу, характеризующему календарные обряды с использованием зерна, совершавшиеся, как свидетельствуют данные сплошного обследования территории бывшей Области войска Донского, в первой половине XX в.

Зерно в календарных обрядах донских казаков

В целом весь зафиксированный по теме материал не выходит за рамки осмысления символики зерна и действий с ним, характерных для восточных славян, а в ряде случаев и для всех групп славян (Усачева, 1999). Представляется важным тот факт, что первоначальная гипотеза Б. Н. Проценко о практически полной утрате донскими казаками «исконной сельскохозяйственной (календарной) обрядности» (Проценко, 1995, с. 48) не находит подтверждения в материале. Хотя, безусловно, последовательное сравнение наполнения сельскохозяйственного календаря (в том числе символизации зерна и его обработки) у казаков и других групп славян показывает меньшую насыщенность казачьей традиции аграрными символами. В частности, у донских казаков крайне редки гадания с зерном об урожае¹, не встречено закладывание зерна в обрядовую выпечку, единичны свидетельства об элементах жатвенной обрядности. Однако о полной редукции речь идти не может.

подавляющее большинство текстов с упоминанием зерна и его символизации относится к святочному периоду, который в славянских и других аграрных сообществах (см., напр.: Boghici & Boghici, 2014) осмысливался как время, определяющее дальнейшие события в наступившем году (Виноградова & Плотникова, 2009, с. 587), начало сельскохозяйственного года (Токарев, Гроздова & Златковская, 1973, с. 16).

Повсеместно на казачьих территориях девушки гадали с использованием зерна (Vlaskina, 2015, p. 305). На полу (а на Верхнем Дону – на печной загнетке) перед петухом (реже курицей) ставили воду, зерно, зеркало, клали другие предметы. У какой девушки первой петух клюнет зерно, та первой должна была выйти замуж. По тому, к чему подойдет петух, судили о будущем женихе. Зерно предвещало, что муж будет «труженик», «работящий», «хозяйственный», «хороший хозяин», «хлебороб», «колхозник».

Каша из разного зерна приготавливалась в разные дни святочного периода, выступая как поминальное блюдо и обладая значением жертвоприношения (Валенцова, 2004, 69). Причем это блюдо мотивирует название праздников: бабина / бабья каша, кутья, голодная кутья, богатая кутья: «В станице Константиновской день пред Рождеством называется кутьею, потому что в этот день старые люди ничего не едят кроме кутьи» (Крылов, 1876). Для приготовления рождественской и крещенской кутьи (действия с ней будут подробнее рассмотрены ниже) на Дону используется пшеничное или рисовое зерно. На Дону известна также бабина каша – праздник повитух, отмечаемый во второй день Рождества, во время которого повитуха угощает пшенной

1 Примечательно, что такое гадание встречено в источниках XIX в.: «Чтобы узнать, какой урожай будет в следующем году, гадающий берет под полу хлеб, идет с ним под чье-либо окно и слушает, что говорят в доме. Если хорошее говорят, то и урожай будет хороший; если неблагоприятное говорят, то урожай будет плохой» (Крылов, 1876), то же (Номикосов, 1884, с. 319).

кашей с тыквой женщин, у которых принимала роды (подробно обряд рассмотрен Т. Ю. Власкиной (1998)).

В большинстве обследованных населенных пунктов известны новогодние обходы домов (накануне Нового года и 14 января утром) с рассыпанием зерна¹ и исполнением обрядовых песен, как распространенных у всех славян (с формулой богатого урожая; с мотивом «участие Бога и святых в полевых работах хозяина» (Виноградова, 1982, с. 94–101)), так и обнаруживающих параллели в отдельных славянских (прежде всего украинской – с рефреном «Щедрый вечер, добрый вечер») традициях.

Вечерние обходы совершались как взрослыми, так и детьми обоего пола и включали в себя обрядовое ряжение. Среди сюжетных ситуаций щедровок есть «Бог одаривает хозяина дома хорошим урожаем»:

Под Новый год щедруют. При щедрованьи поют такие стихи: «Ой, пан ты, пан / Бог тебя зовет, / Щедрый вечер, добрый вечер (припев, повторяемый после каждых двух стихов). / Бог тебя зовет, / Дар тебе дает, / Два лян жита, / Третий пшеницы на паляницы, / Четвертый гречки на варенички / А пятый овса, и щедровка вся» (Крылов, 1876).

В современных записях рассказов о новогодних утренних обходах дома (посевании) упоминаются пшеница, пшено, подсолнечник, овёс, ячмень; ходят по домам преимущественно дети, чаще мальчики², посевают во дворе и в доме, в святом углу. Приведем несколько характерных описаний из разных частей исследуемого региона:

На Новый год сыпали пшеницу, пшено, овес. Часто ряженные вели за собой козу (козла). Для переодевания выворачивали тулупы, шубы, шапки наизнанку, делали маски. Колядующие заходили во двор, пели песни, хозяева выходили, приглашали их в дом, там ряженные посыпали зерном и пели колядки: «Сею, сею, посеваю, / Урожая вам желаю». Хозяева угощали их за столом, взрослым наливали водки, детям давали пряники (пряцы), орехи, яйца, всё, что было в доме. Ряженные складывали гостинцы в свои мешки, благодарили хозяев, желали им ещё урожая и счастья и шли к следующему дому. Колядовать ходили в основном парни (респондент и собиратель не указаны, записан в ст. Вешенской в 1996 г. Полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Южного федерального университета – Южного научного центра Российской академии наук (далее – ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

На Новый год, вот четырнадцатого, это посевают ходють зерно. Заходят: «С Новым годом, с новым счастьем, / Зароди, Боже, / Всего множе: / Жита-пшеницу». Начинають посыпать зерном, или крупой, или чем-то... В дом заходят и стараются по всёй комнате насыпать (В. И. Долгова, записана Е. Гавриченко в ст. Луковской в 2008 г., ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

- 1 Л. Н. Виноградова отмечает, что, хотя новогоднее разбрасывание зерен может трактоваться носителями традиции как имитация посева (1982, с. 222), однако, возможно, «первоначально эти тексты могли принципиально отличаться от коляд, как магические формулы, произносимые с целью “выпровождения” и очищения дома после посещения гостей “с того света”» (1982, с. 224).
- 2 В одном из дореволюционных описаний роль посевалящиков играли взрослые мужчины – отарщики (казаки, обслуживавшие конные табуны) (Ветров, 1880).

Также на Новый год утром ходять, опять дети, они это на старый Новый год сеют, сеют, посевают, с Новым годом поздравляют. Вот и начинают: «Мать Марья / У поле ходила. / У поль, у поль / Плужок ходить, / А за тем плужком / Господь ходить. / Мать Марья / Обедать носила, / Бога просила: / Зароди, Боже, / Жита, пшеницу, / Горох, чечевицу». И специально там это посыпают, заходят и посыпают. Вот на курей, на детей, на маленьких детей, это в смысле того, чтобы Новый год зародил усё (Е. М. Чернышова, записана А. Корытиной в х. Арпачин в 2002 г. ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

Мы, пацаны, бегали, мы бегали... посеять под Новый год... Под Новый год когда ходили, это в карманы зерна набирают, ну у кого чего есть: ячмень, пшеница там, пшено, семечки подсолнечник – у кого чего есть. И вот в хату заходить, и говоришь: «Во поле-поле, / Во щистом поле / Мати Мария семена носить, / Бога просить: / Зароди, Боже, / Жита, пшеницы, / Сады, винограду. Здравствуйте, с праздником, с Новым годом». А в это время, пока читают, из кармана берут зерно и у хате бросают (М. В. Сухарев, записан Е. Муштенко в х. Пухляковском в 2001 г., ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

А четырнадцатого утром идут посыпать, стучать и кричать: «Тётенька, дяденька, пустите посыпать»: «Сею-вею, посыпаю, / С Новым годом поздравляю, / И гопец, и клопец, и севрюжка, / и белужка, осетёрчик с габачком¹, / Поздравляю с праздничком». И обычно посыпают ячменём или пшеницей в святой угол (Е. Ф. Житкова, Е. К. Мирошникова, записаны Е. А. Тер-Абрамян в г. Ростове-на-Дону (ст. Нижнегниловская) в 1998 г., ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

Как видно из записей, региональные отличия текстов заключаются в том, что, кроме урожая, становится объектом благопожелания: в юрте известной винодельческими традициями станицы Раздорской – «сады, винограду», в рыболовецкой станице Нижнегниловской – «и севрюжка, и белужка, осетёрчик с габачком».

Посевание зерном нередко выступает частью комплекса других продуцирующих акций, направленных на благополучие семьи в целом, скота и птицы: после произнесения текстов посевальщиков сажали на подушки, чтобы птица неслась, на шубу, чтобы обеспечить здоровье скотины:

На самый новый год мальчики ходят по более зажиточным хозяевам и посыпают их. У каждого мальчика небольшой мешочек с овсом или другим хлебом. Посыпая из горсти хлебными зёрнами, мальчики приговаривают: «зароди Боже жито, пшеницу и всякую пашницу», а в конце посыпания добавляют: «торох-поторох, дай бабушка пирог, а ты дедушка курочку». Затем мальчики садятся на пол и подражают квоканью курицы или хрюканью свиньи, чтобы куры и свиньи водились. В награду «посыпальщиков» дарят деньгами и съестными припасами (Номикосов, 1884, с. 319–320).

Зерно, рассыпанное на Новый год, лежало в доме некоторое время, а потом его отдавали птице.

Начало полевых работ чаще не имеет фиксированной даты в календаре (редко указывают, что выходили в поле после дня Сорока мучеников

¹ Возможно, речь о речной рыбе голавль или морской сингиль (черномор. гава) (Филин, 1970, 83).

(напр. в ст. Раздорской), но отмечено рядом ритуальных действий, призванных обеспечить богатый урожай зерновых.

До Первой мировой войны вспашкой и севом занимались взрослые казаки, главы семейств (Власкина, 2019, с. 256). На поле с собой брали освященные в храме колосья, выпечку, оставшуюся от дней Сорока мучеников (жаворонки), Средокрестья (крестики), Вознесения (лесенки), Благовещения (просвиры) (Власкина Н., 2013, с. 337–338; Пальгов & Шилкин, 2020, с. 54, 55; Рыблова, 2014, с. 80–82). Обрядовое печение могли закапывать по углам поля, совместно съесть в день сева. Единичны свидетельства о том, что после окончания работ в этот день могли жарить яичницу (ст. Казанская). Встречаются упоминания о проведении молебна перед началом сева (ст. Луковская), освящении семян (Рыблова, 2014, с. 80), «хождении духовенства с иконами» по окончании посева (Номикосов, 1884, с. 315).

Там немного ей, зерно, там узóлик свяжут и ходють это в церкву, посветють, а потом с этими семенами её, это святое-то, это зерно мешають и сеють (А. М. Котовская, записана М. Кравченко, Н. Кузьменко, Е. Рогачёвым в пос. Нижний Чир в 1993 г., ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

Называли жаворонки это... Наверно, на Евдотьи¹, четырнадцатого марта – это Евдокия, Дуня, и вот тогда пекли жаворонки... Тогда божница, были иконы так стояли... и мать заставляла положить жаворонку туда. А потом... под какой-то пекли просфёры под какой-то праздник тоже, тоже мать туда просферу, и вот эти вот, кода вот эти вот просферы там, жаворонки, патом яйцо, вот Пасха кода, красить, яйца крашенные, яйцо тоже туда клали. И как только выезжают в поле, так берут жаворонку, яйцо берут это... Они по полю рассыпають там, разминають, рассыпають по полю... Весна, птицы должны вроде как, должен урожай быть (Никулина, записана О. Бондаревой в х. Грачёве в 1995 г., ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

На Средокрестье пякли кресты, Сороки – жаворонки. Дедушка крест тот оставлял до пахоты, потом берёт с собой на поля: первую борозду пролаживает и в первую борозду кладёт етот крест (К. Н. Мартынова, записана в ст. Романовской в 1997 г., ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

Есть праздник – Сорокомученики. Сорок святых, сорок мучеников. Сороки. Пекуть жаворонки. Месили тесто, сделали жаворонок. Ложать у хлеб. Хлеб пекуть, и жаворонок этот пекли. Крылышки ж так же приделали. Ложуть у зерно. Когда у поле выезжают, берут вот этот жаворонок. Его ж там разлаживали, чтоб птички клевали, по полям разносили, чтоб был урожай. Раньше ж по полям с иконами священники ходили, освящали (В. Г. Щурова, записана Е. Еритенко в ст. Митякинской в 2003 г., ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

Источник XIX в. зафиксировал редкое описание деталей первого сева, которые не встречаются в более поздних материалах:

Если переродится хлеб, то берут семена на заводе за рекой. Первый хлеб сеют в четверг до зори, при этом обойдут сажень 10-ть и оставят горсть зерна, чтобы

1 О единой символике ранневесенних праздников и привязке одних и тех же ритуальных действий к разным датам марта-апреля см. подробнее (Власкина Н., 2013).

его высыпать в закрома амбара. До зори начинают только первый посев, а потом принято сеять после обеда, в то время, когда ни в одной печи не будет головни (Никулин, 1876).

Далее в годовом цикле заботы об урожае мы видим в представлениях о некоторых датах середины года. Так, названия ряда памятных дней летнего периода (дни Смоленской, Казанской икон Божьей матери, Пантелеймона (Палия)) устойчиво мотивируют запреты на проведение полевых работ и мемуары о пожарах, которые разгораются по вине нарушителей (см. подробнее: Шестак, 2010, с. 155–157; Власкина, Шестак & Терскова, 2012):

Смоленская... на Руси он очень соблюдался и очень строгий у нас. У нас от раньше говорили и щас все говорят, что очень строгий. Не дай Бог на этот праздник от работать. А щас в это время от обычно раньше возили скошенное зерно с соломой вместе на гумны. И от хто на этот день не празднуеть, а возить, обязательно пожар, загорится (К. Ф. Черкесова, записана Ю. Зуб и В. Ногиной в х. Осиновском в 2002 г., ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

А были ещё и злые праздники – Пантелеймон... Вот люди поедуть у поле, раньше ступицы были деревянные, вот колёса сейщас железные, а раньше деревянные были. Они поедуть, дажы ступицы загорались. Нельзя было у поле ехать, а бывало, и весь воз сгорить. Во какие наказания были (З. В. Виноградова, записана Н. Смородина в х. Крюкове в 1999 г., ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

Связь с урожаем прослеживается в этимологизации имен святых Бориса и Глеба как Борис-Хлеб (х. Островянский, ст. Луковская).

Уборка хлеба в большинстве интервью описывалась как не сопровождавшаяся ритуальными действиями. Однако редкие упоминания свидетельствуют о том, что в XIX в., возможно, этот блок обрядности и соответствующих представлений был более насыщенным. Так, в дореволюционной публикации описаны действия с первым снопом:

Для того чтобы водились овцы, всей семьей, от старого до малого, собирают на ниве первый сноп хлеба и берегут его до осени, осенью же, когда спускают баранов с овцами, этот сноп расстилают между ворот и прогоняют чрез него овец (Никулин, 1876).

В пос. Нижний Чир при описании пучка последних несжатых колосьев в поле (осмыслявшегося славянами как жертва святому – покровителю урожая (Терновская, 1995, с. 233)), было отмечено устойчивое выражение «оставить Илье на бороду»:

Ну вот косилкой косять эту зерно, хлеб. Едешь-едешь, быков гонишь, и щё-нибудь, и свярнули в сторону, а ето осталси клощёк там ну вот. И вот это называется «оставили Илье на бороду», это так, приговорки (А. М. Котовская, записана М. Кравченко, Н. Кузьменко, Е. Рогачёвым в пос. Нижний Чир в 1993 г. ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

Также некоторые респонденты сообщали о календарной приуроченности жатвы (за неделю до Петрова дня – в ст. Казанской). То же с обмолотом хлеба:

его производили до дня усекновения главы Иоанна Предтечи (Ивана Постного) (ст. Казанская) или до третьего Спаса (ст. Вешенская).

Приведенные материалы свидетельствуют о значимом присутствии темы зерна и полеводства в донском календаре ко второй половине XIX в. – началу XX в. Важная роль мужчин в каждом из упомянутых ритуальных действий позволяет предположить и то, что в хозяйственной обрядности казаки участвовали не в меньшей степени, чем казачки.

Представляется, что специфика аграрной символики донских казаков заключается не столько в содержательном наполнении обрядов (хотя, безусловно, локальную специфику нельзя не заметить), сколько в отборе казаками обрядовых действий из известного славянам репертуара. В отдельных случаях такой отбор становится способом этносословной дифференциации. В качестве иллюстрации рассмотрим обычай носить кутью в Сочельник.

Рождественская кутья известна в большинстве исследованных хуторов и станиц бывшей Области войска Донского. Традиционно ее варили из зерен пшеницы, заправляя сладкой водой, мёдом, изюмом, сухофруктами, орехами. Однако виды действий с этой обрядовой пищей различаются в разных населенных пунктах.

В ст. Мигулинской, Митякинской приготовленную кутью в кастрюле, «опутанной» сеном, ставили в святой угол. В ст. Кривянской рассказывали о приглашении Мороза на рождественский ужин с формулой: «Дед Мороз, дед Мороз, иди с нами кутью йисть». Повсеместно трапезу начинал старший мужчина в семье, остатки кутьи утром отдавали птице и скотине. В ст. Митякинской недоеденную кутью, ложки и хлеб оставляли для покойных родителей.

В станицах и хуторах, расположенных вдоль рек (по Дону, Манычу, Чиру, Хопру – в ст. Раздорской, г. Константиновске, ст. Мигулинской, х. Арпачине, пос. Нижний Чир, ст. Луковской и др.), приготовленную кутью съедали во время вечерней семейной трапезы.

В то же время во многих других станицах и хуторах (чаще более позднего образования) (ст. Манычской, х. Грачеве, ст. Кривянской, пос. Чернышковском, пос. Веселом, пос. Чирском, пос. Зимовники, х. Гундоровском и др.) кутью носили родственникам и крестным.

Обычай носить кутью распространен на Украине (Гринченко, 1958, с. 143). С. Ю. Пальгов и В. А. Шилкин, собиравшие этнографический материал по календарю в Волжском Пониловье и Подонье, указывают, что кутью носили в тех селах, где проживали малороссы (2020, с. 9). Показательно, что это обрядовое действие считается обязательным в другой переселенческой традиции – кубанских казаков (Бондарь, 2006, с. 38). Однако нельзя сказать, чтобы в формировании населения донских станиц, где этого обычая нет, не принимали участия украинцы (малороссы). Просто здесь кутья произвольно выбира-

ется как этносословный маркер, дающий возможность противопоставить казачье и соседнее крестьянское население:

Кутью – это варить из горновки, пшеницы специально, но сейчас нету, с рису варять. Сейчас под Рожество носят кутью, у нас этого обычая не было вообще. А от приехали кода у пятьдесят втором году, переселили это, людей оттуда, с-под Зернограда, у них обычай, значить, носить кутью. А у нас, как по-казачьи было, ходить это, с праздником поздравлять (Е. М. Чернышова, записана А. Корытиной в х. Арпачине в 2002 г., ПМДЭЭ ЮФУ – ЮНЦ РАН).

Символизация зерна: основные направления динамики

Безусловно, то, какой перечень ритуальных действий мы видим, во многом зависит от времени фиксации материала. И здесь кажется уместным перейти к обсуждению динамики доступных наблюдению элементов ритуалов и предметных символов. На донской территории глубина масштабных этнографических и этнолингвистических сборов по теме «Народный календарь» не превышает 50 лет. Из дореволюционного периода есть лишь выборочные описания нескольких календарных обрядов, не всегда сопровождавшиеся указанием населенного пункта, а из советского – примеры новых, советских обрядов (Маева и др., 1979). В связи с этим реконструкция символизации зерна и обрядности, связанной с севом и жатвой, ранее чем рубеж XIX и XX вв., базируется на значительных допусках. Показательно, что и Борис Николаевич Проценко в 1990-х – начале 2000-х гг. менял свое мнение о степени редукции аграрных символов в донском календаре от суждения о почти полном их отсутствии до признания вариативности степени их сохранности в разных частях региона.

Что же можно проследить на основе имеющихся данных по донскому региону? Ранее других утрачиваются обрядовые действия, приуроченные к первому севу. В интервью с информантами до 1920-х гг. рождения в станицах Мигулинской, Вёшенской, Казанской, пос. Нижний Чир регулярно встречается описание начала посева зерновых. Причем рассказы об этом обычно описывают время до колхозов, «когда работали единолично». Чем младше респонденты, тем реже упоминается ритуальное оформление первого выхода в поле. Вероятнее всего, на его утрату повлияла механизация труда, замена ручного посева использованием сеялок, а далее – переход крестьянского труда под контроль советской власти.

С течением времени меняется состав рождественской кутьи. Если в более ранних записях ее готовят исключительно из пшеницы, то позднее говорят о кутье из риса как более престижной, поскольку рис нужно было покупать; противопоставляют пшеничную кутью и рисовый поминальный канун; противопоставляют рисовую кутью как современную и пшеничную как ту, что готовили родители; упоминают рис и пшеницу как равноправные варианты.

В последние десятилетия мы наблюдаем вторичную архаизацию символа пшеничного зерна, когда только пшеничная кутья считается правильной.

Дольше других сохраняется новогоднее посевание: рассказы о нем до последнего времени записывались повсеместно от собеседников всех возрастов. При этом только в дореволюционной публикации встречается проведение обряда представителями отдельной профессиональной группы – отарщиков.

В ряде записей можно наблюдать смешение разновидностей ритуальных обходов домов в святочный период. Б. Н. Проценко воспринимал это как свидетельство безразличия казаков к сельскохозяйственной обрядности (Гнутова & Проценко, 2004, с. 49), но, возможно, это связано и с поздней фиксацией, а также с тем, что для всех славян характерно восприятие Святков как единого праздничного цикла с единой терминологией и схожими ритуальными действиями в разные даты в рамках этого периода (Виноградова & Плотникова, 2009, с. 584, 588)¹.

Выводы

Проведенный обзор показал, что еще в середине XX в. для донской культуры была характерна символизация зерна и полевых работ в целом. Разнообразие этнографических фактов позволяет предположить, что гипотеза о «разрыве» или «сломе» земледельческой традиции на Дону требует дополнительных доказательств. Представляется также, что развернутая система воинских компонентов в народном календаре казачества, на которой акцентируют внимание дореволюционные историки и краеведы, а из современных исследователей – М. А. Рыблова и Т. С. Рудиченко (2017), не исключает одновременного возможного присутствия в системе членения и осмысления ритуального времени и составляющих, определяющих хозяйственный цикл, на разных этапах существования донского казачества как этносословной общности. Как справедливо отмечала С. М. Толстая, «в структурном и генетическом отношении календарь представляет собой сложное переплетение многих, относительно автономных (курсив наш. – Н. В.) моделей: распорядка христианских праздников, постов и мясоедов; календарей солнечного, лунного, вегетативного; земледельческого, скотоводческого, ткаческого, пчеловодческого и т.д.» (Толстая, 2005, с. 9).

Ряд проанализированных ритуальных действий, среди которых сев ритуальный и фактический, традиционно совершались представителями мужского пола. Безусловно, здесь значима аксиологическая оценка мужского начала как

1 См. также у Л. Н. Виноградовой: «в течение длительного времени исследователи пытались выявить отличия этих [исполняемых на Рождество и на Новый год] групп песен, однако в последнее время традиция их разграничения окончательно признана бесосновательной, так как песни, исполняемые во время колядования (на Рождество) или щедрования (на Новый год), в записях XIX–XX вв. уже представляли собой единый по функциональным, образным и формальным признакам вид творчества» (1982, с. 34–35).

положительного – несущего счастье, удачу, богатство. Но наряду с ней они свидетельствуют, что субъектом, транслировавшим аграрную ритуалистику на Дону, была не только казачка, но и казак. О положительном восприятии мужа-казака как земледельца, хозяина говорит и повсеместное (и самое частотное по количеству фиксаций) распространение новогоднего гадания с петухом, где зерно означает мужа-хлебобоба.

Постоянное движение населения в регионе имело следствием, с одной стороны, закрепление аграрных мотивов в календаре, а с другой – появление конкурирующих вариантов действия с одним и тем же символом (кутьей) в разных населенных пунктах.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № государственной регистрации проекта 122020100347-2.

Список литературы

- Bell, C. (1997). *Ritual: Perspectives and Dimensions*. Oxford University Press.
- Bjørnstad, A. (2016). Wheat – its role in social and cultural life. In A. P. Bonjean, W. J. Angus, & M. Ginkel (Eds.), *The World Wheat Book. A History of Wheat Breeding* (Vol. 3, pp. 1367–1396). Lavoisier-Tec & doc, DL.
- Boghici, C., & Boghici, S. (2014). Plugușorul (“little plough”) and semănatul (“sowing”) – music categories belonging to carol singing as a folklore genre. Area of Dâmbovița. *Bulletin of the Transilvania University of Brașov. Series VIII: Performing Arts*, 7(56), 24–34.
- Vermander, B. (n.d.). *Cereals, rituals, and social structure*. Oxford Research Encyclopedia of Anthropology. <https://oxfordre.com/anthropology/view/10.1093/acrefore/9780190854584.001.0001/acrefore-9780190854584-e-522>.
- Vlaskina, N. (2015). The types of divination used by the Don Cossacks: Highlighting areas of distribution. In T. Minniyakhmetova & K. Velkoborská (Eds.), *The Ritual Year 10: Magic in Rituals and Rituals in Magic* (pp. 303–310). ELM Scholarly Press.
- Байбурун, А. К. (1993). *Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов*. Наука.
- Бондарь, Н. И. (2006). Хлеб/хлеб: пища и символ (материалы к этнокультурному словарю Кубани). *Живая старина*, 3, 37–39.
- Броневский, В. Б. (1834). *История Донского войска. Описание Донской земли и Кавказских Минеральных Вод. Часть III, IV*. Типография Экспедиции заготовления государственных бумаг.
- Валенцова, М. М. (2004). Кутья. В Н. И. Толстой (Ред.), *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 томах* (Т. 3, сс. 69–71). Международные отношения.

- Ветров, М. (1880). Станица Раздорская на Медведице (статистико-экономический очерк. *Донские областные ведомости. Часть неофициальная*, 61, 2–4.
- Виноградова, Л. Н. (1982). *Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян: Генезис и типология колядования*. Наука.
- Виноградова, Л. Н., & Плотникова, А. А. (2009). Святки. В Н. И. Толстой (Ред.), *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 томах* (Т. 4, сс. 587–589). Международные отношения.
- Власкина, Н. А. (2013). Ранневесенние праздники донских казаков: к вопросу о территориальном варьировании календарной обрядности. *Проблемы истории, филологии, культуры*, 3(41), 329–341.
- Власкина, Н. А., Шестак, С. А., & Терскова, Н. В. (2012). Тексты о божественных наказаниях за работу в праздник в донской традиции. В Н. И. Бондарь (Ред.), *Антропология конфликта и мира в культуре народов Кавказа (юга России): Материалы Всероссийской научно-практической конференции* (сс. 153–164). Традиция.
- Власкина, Т. Ю. (1998). «Бабина каша» в станице Раздорской. *Живая старина*, 3(19), 47.
- Власкина, Т. Ю. (2019). Структура повседневности казачьих жен в конце XIX – начале XX в. Работа по хозяйству. В Е. Ф. Кринко (Ред.), *Войны и население Юга России в XVIII – начале XIX в.: Историко-антропологические очерки* (сс. 252–260). Издательство ЮНЦ РАН.
- Власкина, Т. Ю. (2013). Семейные традиции казаков дельты Дона по данным приходской статистики XIX в. В *Семья в традиционном и современном обществе: Этнокультурный и социально-исторический опыт: Материалы международной научно-практической конференции* (сс. 150–158). КубГАУ.
- Гнутова, Л. И., & Проценко, Б. Н. (2004). К изучению донской календарной обрядности: празднование Нового года. *Традиционная культура*, 4, 48–53.
- Гринченко, Б. Д. (Ред.). (1958). *Словарь украинского языка: В 4 томах* (Т. 1). Издательство Академии наук Украинской ССР.
- Дружинин, В. Г. (2015). *Раскол на Дону в конце XVII века. Исследование. Репринтное издание. Антей*.
- Краснов, Н. И. (1863). *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Земля войска Донского*. Главное управление генерального штаба.
- Крылов, А. (1876). Святки. *Донские областные ведомости. Неофициальная часть*, 14, 3.
- Маева, П. И., Новак, Л. А., Фрадкина, Н. Г., & Сухов, Ю. П. (1979). *Обряды и праздники на Дону. Очерки, статьи, рекомендации*. Книжное издательство.
- Матишов, Г. Г., Власкина, Т. Ю., Венков, А. В., & Власкина, Н. А. (2012). *Социально-исторический портрет дельты Дона: казачий хутор Донской*. Издательство ЮНЦ РАН.
- Мороз, А. Б. (2009). Традиционный календарь в современном исполнении. *Традиционная культура*, 4, 47–56.
- Никулин, А. (1876). Народные поверья, суеверия и предрассудки (продолжение). *Донские областные ведомости. Неофициальная часть*, 49, 3.
- Номикосов, С. Ф. (Ред.). (1884). *Статистическое описание Области войска Донского*. Областное правление войска Донского.

- Пальгов, С. Ю., & Шилкин, В. А. (2020). *Календарные обряды Волжского Понизовья и Подонья (по материалам фольклорных экспедиций)*. б.и.
- Пронштейн, А. П. (1961). *Земля Донская в XVIII веке*. Издательство Ростовского университета.
- Проценко, Б. Н. (1995). Донской обряд плодородия: своеобразие и традиции. *Этнографическое обозрение*, 1, 45–52.
- Проценко, Б. Н. (2001). Календарно-хозяйственная обрядность и фольклор на казачьем Дону. В *Филология в образовательном пространстве донского региона и ее роль в развитии личности: Материалы областной научно-практической конференции*. Ростов-на-Дону, 24–25.04.2001 г. Ч. 1 (с. 147–150). б.и.
- Рудиченко, Т. С. (2017). Элементы воинской культуры в православных праздниках на Дону. В С. И. Хватова (Ред.), *Богослужбные практики и культовые искусства в современном мире* (с. 249–263). Магарин О. Г.
- Рыблова, М. А. (2006). *Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX века*. Издательство ВолГУ.
- Рыблова, М. А. (2014). *Календарные праздники донских казаков*. Издатель.
- Сухоруков, В. Д. (1872). *Историческое описание Земли войска Донского* (Т. 2). Издание Областного войска Донского статистического комитета.
- Терновская, О. А. (1995). «Борода». В Н. И. Толстой (Ред.), *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 томах* (Т. 1, с. 231–234). Международные отношения.
- Токарев, С. А., Гроздова, И. Н., & Златковская, Т. Д. (1973). Введение. В С. А. Токарев (Ред.), *Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы (XIX – начало XX в.). Зимние праздники* (с. 5–17). Наука.
- Толстая, С. М. (2005). Народный календарь в системе традиционной культуры. В С. М. Толстая, *Полесский народный календарь* (с. 9–23). Индрик.
- Усачева, В. В. (1999). Зерно. В Н. И. Толстой (Ред.), *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 томах* (Т. 2, с. 324–327). Международные отношения.
- Филин, Ф. П. (Ред.). (1970). *Словарь русских народных говоров. Вып. 6: Выросток– Гон*. Наука, Ленинградское отделение.
- Харузин, М. (1885). *Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права*. Выпуск 1. Типография М. П. Шепкина.
- Чичеров, В. И. (1957). *Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX веков*. Издательство Академии наук СССР.
- Шестак, С. А. (2010). Система календарных запретов донских казаков по современным полевым материалам. *Palaeoslavica*, 1(XVIII), 138–163.

References

- Baiburin, A. K. (1993). *Ritual in Traditional Culture: Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites*. Nauka. (In Russian).
- Bell, C. (1997). *Ritual: Perspectives and Dimensions*. Oxford University Press.

- Bjørnstad, A. (2016). Wheat – its role in social and cultural life. In A. P. Bonjean, W. J. Angus, & M. Ginkel (Eds.), *The World Wheat Book. A History of Wheat Breeding* (Vol. 3, pp. 1367–1396). Lavoisier-Tec & doc, DL.
- Boghici, C., & Boghici, S. (2014). Pluguşorul (“little plough”) and semănatul (“sowing”) – music categories belonging to carol singing as a folklore genre. Area of Dâmboviţa. *Bulletin of the Transilvania University of Braşov. Series VIII: Performing Arts*, 7(56), 24–34.
- Bondar, N. I. (2006). Bread: Food and Symbol (Materials for the Kuban Ethnocultural Dictionary). *Zhivaya starina*, 3, 37–39. (In Russian).
- Bronevsky, V. B. (1834). *History of the Don Army. Description of the Don Land and Caucasian Mineral Waters. Part III, IV*. Printing office of the State Paper Procurement Expedition. (In Russian).
- Chicherov, V. I. (1957). *The winter period of the Russian folk agricultural calendar of the 16th–19th centuries*. USSR Academy of Sciences Publishing House. (In Russian).
- Druzhinin, V. G. (2015). *Schism on the Don at the end of the 17th century. Research. Reprint Edition*. Antej. (In Russian).
- Filin, F. P. (Ed.). (1970). *Dictionary of Russian Folk Dialects. Issue 6: Vyrostok–Gon*. Nauka, Leningrad. (In Russian).
- Gnutova, L. I. & Protsenko, B. N. (2004). To the Study of the Don Calendar Rituals: Celebration of the New Year. *Traditional culture*, 4, 48–53. (In Russian).
- Grinchenko, B. D. (Ed.). (1958). *Dictionary of the Ukrainian Language: In 4 Volumes* (Vol. 1). Publishing house of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR. (In Russian).
- Kharuzin, M. (1885). *Information about Cossack communities on the Don. Materials for Customary Law. Issue 1*. Typography of M. P. Schepkin. (In Russian).
- Krasnov, N. I. (1863). *Materials for the geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. The Land of the Don Army*. General Staff Directorate. (In Russian).
- Krylov, A. (1876). Christmas Eve. *Donskiye oblastnye vedomosti. Unofficial part*, 14, 3. (In Russian).
- Maeva, P. I., Novak, L. A., Fradkina, N. G., & Sukhov, Y. P. (1979). *Rites and Feasts on the Don. Essays, articles, recommendations*. Book Publishing House. (In Russian).
- Matishov, G. G., Vlaskina, T. Yu., Venkov, A. V., & Vlaskina, N. A. (2012). *A Social–Historical Portrait of the Don Delta: A Cossack Hamlet of Donskoi*. SSC RAS Publishers. (In Russian).
- Moroz, A. B. (2009). Traditional calendar in modern performance. *Traditional culture*, 4, 47–56. (In Russian).
- Nikulin, A. (1876). Folk beliefs, superstitions and prejudices (continued). *Donskiye oblastnye vedomosti, Unofficial part*, 49, 3. (In Russian).
- Nomikosov, S. F. (Ed.). (1884). *Statistical description of the Region of the Don Army*. Regional Board of the Don Army. (In Russian).
- Palgov, S. Yu., & Shilkin, V. A. (2020). *Calendar Rites of the Volga Ponizovye and Podonye (based on folklore expeditions)*. n.p. (In Russian).
- Pronshtein, A. P. (1961). *The Don land in the 18th century*. Rostov University Press. (In Russian).
- Protsenko, B. N. (1995). The Don Rite of Fertility: Peculiarities and Traditions. *Ethnographic Review*, 1, 45–52. (In Russian).

- Protsenko, B. N. (2001). Calendar and Economic Rituals and Folklore on the Cossack Don. In *Philology in the Educational Space of the Don Region and its Role in the Development of Personality: Materials of the Regional Scientific-Practical Conference*. Rostov-on-Don, 24-25.04.2001. (pp. 147–150). n.p. (In Russian).
- Rudichenko, T. S. (2017). Elements of Military Culture in Orthodox Holidays on the Don. In S. I. Khvatova (Ed.), *Worship Practices and Worship Arts in Today's World* (pp. 249–263). Magarin O. G. (In Russian).
- Ryblova, M. A. (2006). *The Don Brotherhood: Cossack Communities on the Don in the 16th to the First Third of the 19th Century*. VolSU Press. (In Russian).
- Ryblova, M. A. (2014). *Calendar holidays of the Don Cossacks*. Publisher. (In Russian).
- Shestak, S. A. (2010). The System of Calendar Prohibitions of the Don Cossacks by Modern Field Materials. *Palaeoslavica*, 1(XVIII), 138–163. (In Russian).
- Sukhorukov, V. D. (1872). *Historical Description of the Land of the Don Army* (Vol. 2). Publication of the Regional Troops of the Don Statistical Committee. (In Russian).
- Ternovskaya, O. A. (1995). “The Beard”. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: In 5 Volumes* (Vol. 1, pp. 231–234). Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).
- Tokarev, S. A., Grozdova, I. N., & Zlatkovskaya, T. D. (1973). Introduction. In S. A. Tokarev (Ed.), *Calendar customs and rituals in the countries of foreign Europe (19th – beginning of the 20th century)*. *Winter Holidays* (pp. 5–17). Nauka. (In Russian).
- Tolstaya, S. M. (2005). Folk calendar in the system of traditional culture. In S. M. Tolstaya, *Polesie folk calendar* (pp. 9–23). Indrik. (In Russian).
- Usacheva, V. V. (1999). Grain. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: In 5 Volumes* (Vol. 2, pp. 324–327). Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).
- Valentsova, M. M. (2004). Kutya. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: In 5 Volumes* (Vol. 3, pp. 69–71). Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).
- Vermander, B. (n.d.). *Cereals, rituals, and social structure*. Oxford Research Encyclopedia of Anthropology. <https://oxfordre.com/anthropology/view/10.1093/acrefore/9780190854584.001.0001/acrefore-9780190854584-e-522>.
- Vetrov, M. (1880). Razdorskaya stanitsa on Medveditsa (statistical and economic sketch). *Donskie oblastnye vedomosti. Unofficial part*, 61, 2–4. (In Russian).
- Vinogradova, L. N. (1982). *Winter Calendar Poetry of the Western and Eastern Slavs: Genesis and Typology of Caroling*. Nauka. (In Russian).
- Vinogradova, L. N., & Plotnikova, A. A. (2009). Christmas Eve. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: In 5 Volumes* (Vol. 4, pp. 587–589). Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).
- Vlaskina, N. (2015). The types of divination used by the Don Cossacks: Highlighting areas of distribution. In T. Minniyakhmetova & K. Velkoborská (Eds.), *The Ritual Year 10: Magic in Rituals and Rituals in Magic* (pp. 303–310). ELM Scholarly Press.
- Vlaskina, N. A. (2013). Early Spring Festivals of the Don Cossacks: On the Territorial Variation of Calendar Rituals. *Problems of History, Philology, and Culture*, 3(41), 329–341. (In Russian).

- Vlaskina, N. A., Shestak, S. A., & Terskova, N. V. (2012). Texts about divine punishments for holiday work in the Don tradition. In N. I. Bondar' (Ed.), *Anthropology of Conflict and Peace in the Cultures of the Peoples of the Caucasus (South of Russia): Materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference* (pp. 153–164). Tradicija. (In Russian).
- Vlaskina, T. Yu. (1998). “Babina Kasha” in the village of Razdorskaya. *Zhivaya starina*, 3(19), 47. (In Russian).
- Vlaskina, T. Yu. (2019). The Structure of Everyday Life of Cossack Wives in the Late 19th – Early 20th Centuries. Household Work. In E. F. Krinko (Ed.), *Wars and Population in the South of Russia in the 18th – the Early 21st Centuries: Historical and Anthropological Essays* (pp. 252–260). SSC RAS Publishers. (In Russian).
- Vlaskina, T. Yu. (2013). Family traditions of the Cossacks of the Don delta according to parish statistics of the 19th century. In *The Family in Traditional and Modern Society: Ethnocultural and Socio-Historical Experience: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference* (pp. 150–158). KubSAU. (In Russian).